Е.Ю. Скарлыгина, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: scarlygina@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ 1970—1980-х годов И ЖУРНАЛЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье рассматривается взаимосвязь литературы и журналистики «третьей волны» русской эмиграции с литературным процессом в советской России 1970—1980-х годов. Автор анализирует сложный состав литературного процесса: официальная советская литература, неподцензурная культура (самиздат и тамиздат), литература русского зарубежья.

Ключевые слова: *«третья волна» эмиграции, журнал «Континент», неподцензурная культура, литературный процесс.*

This article discusses connections of the "third wave" Russian emigration with a literary process of soviet Russia during 1970—1980 years. The author analyses the complicated contents of literary process: the official soviet literature, non-official culture ("samizdat" and "tamizdat"), the literature of Russian abroad.

Key words: *"third wave" of emigration, journal "Kontinent", non-official culture, literary process.*

Помимо подцензурной, официально издававшейся в СССР художественной литературы (и сопутствовавшей ей литературной критики), в советской России 1960—1980-х годов, как известно, стремительно разрастался пласт литературы неподцензурной, самиздатской. Цензурные гонения, преследование за издание опальных художественных произведений за рубежом привели к эмиграции из СССР в семидесятые — первой половине 1980-х годов заметной группы одаренных литераторов, прозаиков и поэтов: Иосифа Бродского, Андрея Синявского, Наума Коржавина, Владимира Максимова, Александра Галича, Виктора Некрасова, Натальи Горбаневской, Василия Аксенова и многих, многих других. Представители «третьей волны» эмиграции довольно быстро создали собственные журналы — «Континент», «Время и мы», «Синтаксис», «Эхо» и т.п., которые стали необходимым дополнением к усеченному цензурой, обедненному литературному пространству в СССР. Те, кто не имел на родине ни малейшей надежды на публикацию, стали печатать свою прозу, эссеистику и публицистику за рубежом, в журналах и издательствах третьей русской эмиграции. Важно подчеркнуть, что это были не только авторы, подобные А. Зиновьеву («Зияющие высоты» — антисоветский политический памфлет), но и те, чье творчество не устраивало советскую цензуру по эстетическим критериям, кто был слишком далек от реализма (Саша Соколов,

Юрий Мамлеев). В Советском Союзе журналы русской эмиграции находились в спецхранах нескольких крупнейших библиотек, доступ к ним был строго ограничен, а для рядового читателя попросту исключен.

В писательской и журналистской среде «третьей волны» неоднократно на протяжении 1970—1980-х годов проходили расширенные встречи, международные конференции, форумы, посвященные состоянию современной культуры, тенденциям развития русской литературы в метрополии и в эмиграции. Важнейшее место в культурном пространстве эмиграции занимал в то время журнал «Континент», издававшийся с 1974 года в Париже под руководством В. Максимова. Поскольку номера «Континента» (в отличие от малоформатного «Синтаксиса») до сих пор не выложены в интернете и доступны лишь в нескольких библиотеках Москвы, обратимся к анализу контента первых пяти номеров издания: выборка случайная, но, на наш взгляд, вполне представительная.

В № 1 «Континента» (1974), давно ставшем библиографической редкостью, было помещено напутственное слово журналу А. Солженицына и А. Сахарова.

«С тех пор, как в СССР были в зародыше удавлены попытки выпускать самиздатские журналы, никак не подчиненные и не согласованные с официальной идеологией, и был разгромлен единственный честный и глубокий журнал “Новый мир”, — подчеркивал А. Солженицын, — русская интеллигенция в первый раз пытается объединить свои мысли и произведения, пренебрегая и волею официальных лиц, и своей разделенностью государственными границами. Не лучшая форма и не лучшая территория для появления свободного русского журнала, куда б на сердце было светлей, если бы и все авторы и само издательство располагались на коренной русской территории. Но по нынешним условиям, очевидно, это невозможно»[1].

«Создание нового литературно-общественного журнала кажется мне очень нужным и своевременным, — писал Андрей Дмитриевич Сахаров. — От литературной и литературно-критической части “Континента” я жду освещения более глубинных сторон жизни, доступных интуитивному видению искусства. Я уверен, что журнал внесет свой вклад в важнейший общечеловеческий процесс формирования и воссоздания философских, моральных и этических ценностей, которых так недостает современному человечеству, озабоченному сегодняшним днем и разочарованному»[2].

Литературный раздел первого номера «Континента» открывался подборкой ныне знаменитых стихов И. Бродского «На смерть Жу-

[1] Континент. 1974. № 1. С. 3.

[2] Там же. С. 5.

кова», «Конец прекрасной эпохи», «В озерном краю» (поэт также стал постоянным членом редколлегии издания). Здесь же были помещены: неопубликованная глава из полного варианта романа А. Солженицына «В круге первом»; повесть В. Корнилова «Без рук, без ног» (тексты этого поэта широко ходили в самиздате); эссе философа Александра Пятигорского «Заметки о «метафизической ситуации», а также статья А.Синявского-Терца «Литературный процесс в России», посвященная так называемой «второй» — неофициальной русской словесности, ее разнообразию и подлинному расцвету вопреки цензурным притеснениям.

Публикуя статью Игоря Голомштока «Парадоксы гренобльской выставки», посвященную «второму авангарду» в живописи, «Континент» сразу же заявлял о постоянном, устойчивом интересе журнала к неофициальному русскому искусству. Позднее, в № 6 (1975) журнала появится статья Ал. Глезера «Двадцать лет спустя» (заметки о русских художниках-нонконформистах). «Континент» будет уделять огромное внимание Музею русской авангардной живописи в Монжероне (пригороде Парижа), созданному коллекционером А.Л. Глезером благодаря мощной поддержке В. Максимова. На страницах журнала будут опубликованы очерки творчества не признанных в СССР художников А. Зверева и В. Немухина, О. Рабина и О. Целкова, В. Яковлева и В. Воробьева. Наконец, в № 35 (1983) увидят свет заметки Александра Глезера «Современное мировое искусство и русская неофициальная живопись», посвященные вкладу русской авангардной живописи в мировое искусство.

Совершенно очевидно, что уже в первом номере «Континента» редакцией издания была сделана заявка на публикацию художественных и литературно-критических текстов, посвященных неподцензурной русской культуре XX века. В дальнейшем такой подход неизменно сохранялся. В № 2 (1975), например, была опубликована абсурдистская повесть В. Марамзина «История женитьбы Ивана Петровича», в стилевом отношении связанная с традицией А. Платонова. Время публикации повести совпало с освобождением ленинградского прозаика из заключения (куда он попал за участие в создании самиздатского собрания сочинений И. Бродского). Публицистика в № 2 «Континента» представлена принципиально важной работой А. Солженицына «Сахаров и критика “Письма вождям”». Именно эта статья обозначила линию окончательного размежевания между А. Солженицыным и А. Сахаровым; на долгие годы вперед Солженицын стал олицетворять для русской интеллигенции национально-почвенническую платформу, а Сахаров — либерально-демократическую. На родине эта важнейшая полемика полностью ушла в пространство самиздата, как и ее исходный текст — «Письмо вождям Советского Союза» А. Солженицына.

Подбор материалов в № 3 (1975) позволяет сделать вывод о том, что сотрудники «Континента» рассматривали русскую эмиграцию XX века как культурную и духовную целостность. Под рубрикой «Из глубины» здесь помещены статья Кирилла Померанцева (старейшего сотрудника «Русской мысли», эмигранта «первой волны») «Георгий Иванов» плюс несколько стихотворений поэта, прежде не печатавшихся. Здесь же опубликована глава из мемуарной книги «Отраженья» Зинаиды Шаховской, посвященная И. Бунину, а также глава об Андрее Белом из книги А. Бахраха «По памяти, по записям». Философская публицистика в № 3 журнала представлена статьей Григория Померанца, переданной в редакцию по каналам самиздата: «“Эвклидовский” и “неэвклидовский” разум в творчестве Достоевского».

В № 4 (1975) публикуются «Записки зеваки» Виктора Некрасова — автобиографическая проза знаменитого писателя-фронтовика (заместителя главного редактора журнала «Континент» вплоть до 1982 года). Лирико-исповедальная интонация объединяет эти записки с более поздней прозой автора — повестями «Взгляд и нечто», «По обе стороны стены». Интерес и уважение к личности, чувство собственного достоинства, свобода как важнейшая ценность человеческой жизни — вот постоянные мотивы мемуарной прозы Виктора Некрасова (выехал из СССР в 1974 году).

Кроме того, в № 4 увидели свет главы из романа Гроссмана «Жизнь и судьба». Отказ от публикации полного текста романа, запрещенного на родине цензурой, вызвал в дальнейшем серьезные нарекания в адрес редакции «Континента». В. Войнович, который сумел переправить текст В. Гроссмана на Запад, не раз утверждал впоследствии, что роман попросту не понравился В. Максимову и Н. Горбаневской в силу излишней идеологизированности и тяжеловесности. Однако в интервью, взятом автором данной статьи у Натальи Горбаневской, она поясняла, что роман В. Гроссмана оказался слишком объемным для журнального формата; к тому же главная установка сотрудников редакции «Континента» при отборе текстов была такова: «Печатать живых!»[3]. В итоге полное книжное издание романа «Жизнь и судьба» вышло благодаря усилиям Е. Эткинда в 1980 году в Лозанне.

Хотя все номера набиравшего силу «Континента» были достаточно интересны и содержательны, В. Максимов-редактор воспринимал именно № 5 как наиболее удачный и цельный. В письме Н. Коржавину, бессменному члену редколлегии издания, он подчеркивал: «Пятый номер — это примерно то, что я себе предполагал в своих издательских фантазиях. В прозе и поэзии: Гроссман,

[3] См.: *Горбаневская Н.* «Показать, каким был журнал на самом деле...» / Беседу вела Е. Скарлыгина // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 301.

Войнович, Корнилов, Айги; в критике и библиографии (раздел вводится впервые) первоклассная статья Абрама Терца о “Верном Руслане”, очень хороший анализ “Чонкина” Виолетты Иверни, Вас. Бетаки и целый ряд других первоклассных вещей»[4].

В № 5, кроме того, были опубликованы вопросы анкеты «Континента», посвященной развитию современного искусства и литературы, роли религиозного мировоззрения в творчестве художника, а также тому, как влияет культура на текущий исторический процесс. В течение всех восемнадцати лет издания «Континента» в Париже эти вопросы были основой подробных, обстоятельных интервью с представителями русской и зарубежной общественной мысли, писателями и художниками, театральными и кинорежиссерами, музыкантами, политическими деятелями. Под рубрикой «Наша анкета» такие интервью публиковались в конце каждого номера. Одним из первых (в № 6 «Континента») на вопросы анкеты ответил Наум Коржавин; следом, в № 7, было опубликовано развернутое интервью драматурга Эжена Ионеско — члена международной редколлегии «Континента», личного друга Владимира Максимова.

Как видим, «Континент» был исключительно содержательным журналом с ярко выраженным направлением и довольно скоро превратился в наиболее авторитетное и представительное издание русской эмиграции в целом (а не только ее «третьей волны»). Один из постоянных авторов издания — Михаил Лехман — впоследствии вспоминал: «Десять лет назад, когда я впервые получил уведомление от Максимова, что моя статья поставлена в текущий номер “Континента”, Виктор Платонович Некрасов — человек к патетике не склонный — сказал мне: “Вы понимаете, Миша, что это значит — напечататься в “Континенте”? Это так, как мы считали когда-то — напечататься в “Новом мире”. Что может быть почетнее!”»[5]

Разумеется, в «Континенте» появлялись не только произведения, поступившие по каналам самиздата или созданные в эмиграции. В. Максимов и Н. Горбаневская постоянно следили за новинками советской литературы, что подтверждается многочисленными публикациями под рубриками «Литература и время», «Критика и библиография», «Коротко о книгах». В журнале не раз появлялись статьи и рецензии, посвященные творчеству Валентина Распутина и Фазиля Искандера, Юрия Трифонова и Булата Окуджавы, а также братьев А. и Б. Стругацких. Наряду с публикациями прозы и поэзии «Континент», как и любой уважающий себя «толстый» журнал,

[4] Из архива журнала «Континент» / Публикация Е. Скарлыгиной // Континент. 2006. № 129. С. 286.

[5] Русская мысль. 1995. 6—12 апреля. № 4072. С. 17.

имел разделы, посвященные истории литературы, критике и библиографии. Одной из интереснейших можно считать рубрику «Литература и время». В ней стоит особо отметить статьи Льва Лосева, посвященные творчеству Иосифа Бродского, «Поэме без героя» А. Ахматовой, эстетическим аспектам прозы А. Солженицына; весьма глубоки и содержательны также работы Б. Парамонова, посвященные «Доктору Живаго» Б. Пастернака и роману А. Платонова «Чевенгур». Следует специально подчеркнуть, что в этой рубрике появлялись как материалы, посвященные творчеству классиков (от Пушкина и Достоевского до Бунина и Блока), так и статьи, связанные с поэтикой Булгакова, Зощенко, современных советских авторов. Среди литературных критиков «Континента» хорошим уровнем статей отличалась Виолетта Иверни. Весьма тонко и глубоко писала она в разделах «Литература и время», «Критика и библиография» о прозе давних друзей журнала — Булата Окуджавы («Час милосердия», № 12) и Ф. Искандера («По ту сторону смеха», № 21). Но вместе с тем — и о Валентине Распутине, который, напротив, не имел ничего общего с «Континентом» и никогда не передавал свои рукописи за рубеж. В статье «Смертью — о жизни» (№ 15), посвященной творчеству В. Распутина, В. Иверни раскрывала глубину и эсхатологическое звучание повести «Прощание с Матерой», называла ее «современным Апокалипсисом». Талант писателя она определяла как подлинный и глубокий, ждала от В. Распутина новых свершений, подчеркивала его субъективную честность и умение сказать горькую правду вопреки цензурным запретам.

Конечно, для редакции «Континента» существовала принципиальная граница между официозной «секретарской» литературой Проскуриных—Софроновых — и собственно литературой, настоящей русской словесностью. Подлинный талант редколлегия журнала стремилась поддержать всегда, независимо от того, по какую сторону границы находился автор. В письме молодым, тогда только начинавшим публиковаться в эмиграции П. Вайлю и А. Генису (от 7.09.1985), В. Максимов подчеркивал: «О литературном процессе в СССР и его наиболее достойных участниках, начиная от Б. Окуджавы до братьев Стругацких, в “Континенте” опубликовано больше позитивных статей, чем во всех остальных русских журналах зарубежья, вместе взятых»[6]. Когда в России скоропостижно скончался Юрий Трифонов, редактор «Континента» посвятил его памяти проникновенный некролог, полный искренней скорби. В частности, В. Максимов писал: «Трифонов умер в расцвете твор-

[6] См.: *Скарлыгина Е.Ю.* Неисследованный континент (о журнале «Континент» В. Максимова) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 168.

ческих возможностей, когда от него ожидали еще многого и многого, может быть, даже окончательного слова, которое оказалось бы решающим в его писательской и человеческой судьбе, но все, к великому сожалению, обернулось иначе. От нас ушел еще один подлинный русский прозаик. Вечная ему память»[7].

Будучи изданием полемически заостренным, рассчитанным на дискуссию, «Континент» неоднократно публиковал материалы, которые предполагали развернутое обсуждение. Так, например, постоянный автор журнала, критик Юрий Мальцев (издавший на Западе книгу «Вольная русская литература»), опубликовал в № 25 «Континента» статью «Промежуточная литература и критерий подлинности», вызвавшую оживленную полемику во всех изданиях «третьей волны» эмиграции. В ней практически все наиболее известные в то время советские писатели — Б. Можаев, В. Белов, В. Шукшин, Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Тендряков и др. — обвинялись если и не в откровенной лжи, то, во всяком случае, в дозированной полуправде, которая искажает у советского читателя реальную картину действительности. Эти «промежуточные» писатели, по мнению Ю.Мальцева, касались только разрешенных тем, шли на уступки цензуре и в конечном итоге служили укреплению существующего режима, поскольку упорно молчали о самых страшных трагедиях советской истории. Автор статьи упрекал советских писателей, не принадлежавших к литературному официозу, даже в том, что 1980-е годы они стали выезжать за рубеж, встречаться с западными читателями и издателями, давать интервью, создавая тем самым иллюзорную картину свободы мнений («Как будто они действительно могут давать интервью!» — язвительно высказывался Ю. Мальцев). «Разрешенная правда подозрительна уже самим фактом своего разрешения», — заканчивал он свою отповедь советским писателям.

Статья Ю. Мальцева вызвала оживленную полемику. В № 28 «Континента» появился развернутый ответ Марии Шнеерсон «Разрешенная правда». Апеллируя к авторитетному мнению Солженицына и взывая к здравому смыслу, критик достаточно резко возражала против самого термина «промежуточные писатели», напоминающего ей идеологический ярлык «попутчики», и призывала эмиграцию понять, что лучшие писатели в советской России «малыми художественными деталями обнажают перед широкой читательской аудиторией огромную область жизни, запрещенную к изображению». «Неужели в полноте политической информации можно усматривать критерий подлинности произведений искусства?» — недоуменно спрашивала М.Шнеерсон и завершала свою

[7] *Максимов В.* Памяти Юрия Трифонова // Континент. 1981. № 28. С. 98.

статью следующим суждением: «На наших глазах произошло чудо — родилась целая богатейшая литература. Невероятно? Невероятно, но факт!»[8].

Полемизировал с Ю. Мальцевым и Андрей Синявский на страницах частного журнала «публицистики, критики, полемики» «Синтаксис» (издавался супругами Синявскими с 1978 года в Париже). «Полнота правды, предлагаемая Ю. Мальцевым в виде пробного камня, не является единственным критерием художественного достоинства книги, — утверждал Андрей Донатович. — В нынешней русской словесности, подцензурной и бесцензурной, есть прекрасные вещи, значение которых далеко не покрывается полнотою высказанной в них правды. Например, роман "Путешествие дилетантов" Булата Окуджавы, или особенно меня поразившие своей стилистикой и архитектурой "Пушкинский дом" Андрея Битова и его "Похороны доктора"»[9]. «Требовать же от писателя, живущего в Советском Союзе, чтобы он непременно вмешивался в политику и открыто противостоял государству, — настаивал А. Синявский — это, помимо прочего, безнравственно. Это все равно, что заставлять человека идти в тюрьму или эмигрировать. Ни запрещать эмиграцию, ни требовать, чтобы все настоящие, честные писатели покинули Россию, — нельзя. И это не сулит ничего доброго русской литературе»[10]. Осмысляя специфику того поколения эмигрантов, к которому принадлежал сам, А. Синявский подчеркивал: «У нашей третьей волны много недостатков по сравнению с первой эмиграцией. Но есть одно преимущество, которым было бы грешно не воспользоваться. Сегодняшняя Россия с тем лучшим, что там появляется в литературе, для нас не чужая и не закрытая страна. И наши читатели не только здесь, но и в современной России. Да и шире рассуждая, нынешняя эмиграция куда теснее связана с метрополией, чем это было в прошлом»[11].

Переходя к разделам «Континента» — «Критика и библиография», «Коротко о книгах», — следует подчеркнуть, что они были исключительно информативны, давали представление как о книгах, появившихся в зарубежье, так и о лучших, наиболее заметных изданиях, вышедших в СССР. Среди постоянных авторов рубрики «Критика и библиография» находим В. Иверни, Н. Горбаневскую, Вас. Бетаки, С. Юрьенена, К. Померанцева и М. Муравник. Сейчас, в радикально изменившихся условиях, трудно до конца осознать, каким ценным источником информации для потенциальных читателей в России были два этих литературно-критических раздела

[8] Континент. 1981. № 28. С. 379.
[9] *Синявский А.* О критике // Синтаксис. 1982. № 10. С. 149.
[10] Там же. С. 150.
[11] Там же. С. 155.

журнала. Ведь они освещали содержание книг, относящихся ко всей гуманитарной сфере знаний — социологии, истории, литературоведению, теории культуры, искусствознанию. Лично редактором «Континента» были написаны положительные рецензии на книгу И. Золотусского «Н.В. Гоголь» и на монографию И. Волгина «Последний год Достоевского».

В. Максимов неоднократно говорил о том, что «Континент» должен быть сориентирован прежде всего на Россию. В 1981 году (к этому моменту за 6,5 лет издания вышли уже 27 номеров журнала) в интервью «Русской мысли» главный редактор настаивал: «Если журнал потеряет ориентир, который я называю Россией, он потеряет смысл своего существования», поскольку «задумывался не только как журнал, но и как один из центров современной русской общественной мысли»[12].

Далее главный редактор характеризовал один из основных принципов издания: «Получить информацию литературную, политическую, религиозную, общую информацию из России, спрессовать ее в книжку журнала и вернуть туда же в Россию, то есть сделать эту информацию общим достоянием». Конечно, номера «Континента» проникали в Россию в ограниченном количестве, по тайным каналам, не более 300 экз. Но редакция издания постоянно получала свидетельства, что журнал читается на родине, что он востребован и необходим. Каждый его номер прочитывали сотни людей, перепечатывая и переснимая с помощью фотоаппарата наиболее интересные и острые материалы. Владимир Корнилов, публиковавший на страницах «Континента» свою прозу и поэзию, сообщал В. Максимову 10 февраля 1979 года: «Москва по-прежнему верна твоему журналу, гоняется за ним, дает на два, на три дня. Очень ухудшает дело то, что экземпляров стало мало. У меня после 13-го не было личных. А ведь все все время в работе и до сих пор. Спрос не убывает. Нельзя ли наладить присылку?»[13]

В 1984 году, поздравляя «Континент» с 10-летием выхода в свет, редакторы небольшого парижского журнала «Эхо» В. Марамзин и А. Хвостенко подчеркивали: «Живущих в России “Континент” особенно привлекает тем, что его делают люди, еще недавно ходившие по тем же улицам, скучавшие на тех же заседаниях, читавшие те же газеты и журналы. Он объединил вокруг себя все лучшее, что существует в современном русском литературном процессе»[14].

Добавим от себя — и в русской культуре в целом. Творчество Юрия Любимова и Театр на Таганке, музыкальное искусство

[12] Русская мысль. 1981. 21—28 мая. № 3361. С. 12.

[13] Из архива журнала «Континент» / Публикация Е. Скарлыгиной // Континент. 2006. № 129. С. 292.

[14] Континент. 1984. № 40. С. 249.

Г. Вишневской и М. Ростроповича, судьба Марка Шагала и Дмитрия Шостаковича; беседа с Андреем Тарковским и диалог Соломона Волкова с Иосифом Бродским; документальная книга А. Шварца о Михаиле Булгакове и неизвестные рассказы Даниила Хармса, присланные филологом Ильей Левиным, — одним словом, все, что сегодня воспринимается как подлинная русская культура XX века, горячо интересовало редакцию «Континента» и находило отражение на его страницах.

«Культурный расцвет Третьей волны, — подчеркивал А. Генис, — пришелся на 70—80-е годы и не случайно совпал с самыми тусклыми, закатными или, как их потом назвали, застойными годами советской истории. Никогда еще различия между свободной и подцензурной литературой не были так наглядны. Если блестящая словесность Первой волны развивалась на фоне бесспорных художественных открытий внутри России, то достижения Третьей волны казались особенно яркими по сравнению с унылым культурным ландшафтом позднего СССР. Третья волна предоставила российской культуре убежище и полигон»[15].

Соглашаясь с этим высказыванием по существу, отметим все-таки его излишний радикализм. В условиях цензуры в СССР продолжали работать Юрий Давыдов и Юрий Трифонов, Булат Окуджава и Фазиль Искандер, Василий Шукшин и Евгений Попов, Андрей Битов и Давид Самойлов. Заслуга сотрудников «Континента» и других журналов русской эмиграции состояла, помимо прочего, в том, что они никогда не отвергали подлинный талант по принципу «прописки», печатали не только авторов самиздата, но и тех, кто пытался реализовать себя в рамках тогдашней советской литературы. Таким образом, рассуждая сегодня о литературном процессе в России 1970—1980-х годов, необходимо учитывать всю его сложность и многослойность. Помимо официально издававшейся художественной литературы, в СССР бурно развивалась неподцензурная словесность, а за его пределами — литература русского зарубежья. Роль и значение журналов русской эмиграции в этом многосоставном литературном процессе до сих пор малоисследованы и явно недооценены.

Поступила в редакцию
10.11.2011

[15] *Генис А.* Третья волна: примерка свободы // Slavic Culture Studies. 2010. № 9. С. 4—5.